

ПУТЯМИ ВЕКА

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Место и роль Василия Белова в литературе наших дней очень значительны — это сознают многие, хотя, может быть, и не в полной мере. А пришел писатель к читателям скорее незаметно, чем громко, — своей повестью «Деревня Бердяйка» (1961). Первая рецензия на нее появилась только спустя два года: шумели критики тогда о «звездных мальчиках». А Белов на моду не падок и, кажется, знал свое предназначение едва ли не изначально. И уже появившееся в 1966 году «Привычное дело» возбуждает интерес, который и посейчас не утратился.

Отношения русских писателей с мужиком-крестьянином, всегда демократические, тем не менее складывались по-разному, как прежде, так и теперь. В самом деле, как не похожи друг на друга герои Глеба Успенского и Льва Толстого, Лескова и Тургенева, Чехова и Бунина! И молодой Белов, зная жизнь крестьянскую не понаслышке, а на личном опыте, усваивал и их уроки, и уроки своих непосредственных предшественников.

Нежны, филигранно отделаны повести и рассказы о деревне Сергея Антонова конца пятидесятых годов. Но при всей симпатии к своим героям он не смог совершить к ним того последнего шага, который позволяет открыть сокровенное в натуре человека. Антонов — горожанин, потомственный интеллигент, но даже В. Тендряков и В. Солоухин, выходцы из деревни, сохранившие с ней живую связь, не преодолели позиции стороннего

наблюдателя — она наметилась уже в первых их вещах и особенно отчетливо проявилась в последующих.

Романом «Братья и сестры» (1958) Федор Абрамов на пути преодоления схематизма и лакировки искал новые формы, одной ногою оставаясь еще в старой традиции (С. Бабаевский, Е. Мальцев). В свою очередь Александр Яшин, многое предугадав и наметив, принципиально новой художественной системы тоже не создал, не успел создать. Белов шел за ними совсем рядом, без дистанции, уже предощущая свой путь.

И вот появляются рассказы «Весна» и «Под извоз», «На Бобришном угоре» и «За тремя волоками», повесть «Плотницкие рассказы» и пьеса «Над светлой водой», роман «Кануны» и цикл «Воспитание по доктору Споку», снова рассказы, пьесы «Районные сцены» и «Бессмертный Кощей», наконец книга «Лад». А как бы между делом появились «Бухтины вологодские», «Случайные этюды», юмористическая повесть «Целуются зори» и с нею одноименный фильм...

Не стремясь перечислять произведения В. Белова разных жанров в хронологической последовательности, я хотел показать, как от малой деревеньки идет писатель в мир, все шире охватывая явления, раздвигая тематические рамки, глубоко пропахивая действительность.

И куда только критики не толкали Василия Белова: и к современности (после появления «Привычного дела»), и обратно — к «Привычному делу» — (после выхода первой части «Канунов»), и утверждали, что драматургия — не его стихия... Ан нет, он шел сам по себе.

С первых шагов в литературе Белов — писатель, осваивающий прежде всего современность. И «Привычное дело» — это повествование вовсе не «из прошлого одной семьи», как было означено в первой публикации, но из самого что ни на есть настоящего. А обращение к прошлому, к истории и в формах сатиры («Бухтины вологодские»), и в форме объективного повествования («Кануны») вызвано теми же интересами современности.

Поиск корневых закономерностей более всего волнует Василия Белова. Припомним многозначительную финальную сцену в «Канунах» — сцену жуткой драки, в которую Игнаха Сопронов ввязывает Павла Пачина, — это выражение борьбы двух непримиримых жизненных начал. Сцена эта не сводима только к себе самой: вспомним тайное письмо некоего троцкиста Эйдлика,

попавшее секретарю губкома Шумилову, еще некоторые незначительные, казалось бы, подробности. Такое непримиримое противостояние, которое показал Белов на разных уровнях общественной жизни, и осложнило исторически необходимое и неизбежное дело коллективизации деревни.

Конфликту, заданному в «Канунах», еще развиваться и развиваться, но не оставляет сомнений вера писателя в торжество жизни и добра. Победа легко не дается: борьба добра и зла извечно идет в мире, в разные времена принимает различные обличия. А как в наши дни? На этот вопрос Белов отвечает, показывая самое сложное противостояние современности: превращение России сельской в Россию индустриальную.

Из деревни в город давно уже проложены тропинки: в славяно-греко-латинскую академию, в мастерские шли без возврата парнишки. Не только в нашей стране — во всем мире. Еще Иван Шмелев в начале века писал об этом, а потом Александр Малышкин («Люди из захолустья») и другие. Иначе пишут о переходном состоянии человека, из деревни пришедшего в город, У. Фолкнер (США) и Ю. Кавалец (Польша).

Теперь, когда уже не тропа, а торная дорога уводит людей из села, своих деревенских героев нашли в городе Василий Шукшин и Василий Белов. Только порою там, где Шукшин видит отклонение от нормы (отсюда и герои его — «чудики»), Белов открывает явление. И явление это — сложность адаптации в городской среде того человека, который сформировался в деревне.

Есть у Белова прочная почва под ногами, которую он ощущает всем существом своим в отличие от Шукшина. «Так у меня вышло к сорока годам, что я — ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение, — писал Шукшин. — Это даже — не между двух стульев, а скорее так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть страшно. Долго в таком состоянии пребывать нельзя, я знаю, пропадешь». И герои В. Шукшина зачастую люди этого же типа: оторвавшись от деревенской среды, они никак не вписываются в городскую.

Такой герой (маргинальный — так определяют социологи) знаком и В. Белову, но сам писатель подобного разлада в своем творческом поведении не знает. В конце концов, эта маргинальность — следствие закономерного (следовательно, и естественного) исторического процесса переливания людских масс из деревни в город.

Он обостряется ускоренностью темпов да нашим нерадением, неспособностью предотвратить вредные последствия как экономические, так и социально-психологические. Помочь в таких обстоятельствах человеку — прямая обязанность литературы, а для этого сами писатели должны обладать внутренней устойчивостью: от мятущегося много ли душевного опыта наберешься?

Сохранить цельность натуры В. Белову и помогли, надо полагать, историческое чутье и крепкий народный юмор. Во всем у него мы найдем здравый смысл, доступный каждому, а для человека вдумчивого всегда откроется и нечто противостоящее обыденности. Для постижения этого оказывается решающей способностью писателя отказываться от однажды найденного, преодолевать себя в поиске новых художественных путей и решений.

Сопоставление различий учит чуткости в освоении жизненного материала и дает простор для интуиции в тех случаях, когда писатель обращается к опыту, недоступному для непосредственного наблюдения. И в «Канунах» Белов удобно, на своем месте почувствовал себя как в деревне конца двадцатых годов, так и среди тружеников первой пятилетки — на старом московском заводе и в коммунальной квартире. А широта обзора в свою очередь обеспечивает глубину постижения действительности, не ограниченную ни локальностью целей, ни тематической узостью.

Ставить себе максимальные задачи, учиться снова и снова Василий Белов умеет, вот почему и выходит на главные направления развития современной литературы. Так, одна за другой в последние годы появляются в театре инсценировки прозы — М. Шолохова, М. Алексеева, В. Распутина и многих, многих других. Это понятно, зритель хочет и со сцены слышать те серьезные и глубокие суждения о жизни, к которым он привык в прозе. А наша драматургия в основной своей массе, слишком долго носившая плаття, сшитые по готовым выкройкам, к серьезному разговору пока не готова. Поневоле театр обращается к инсценировкам повестей и романов, но не надежнее ли другой путь — поднять драматургию до уровня достижений прозы? Ведь инсценировка — что ни говорите — перевод, адаптация, она неизбежно вторична, а во вторичности — гибель искусства.

Василий Белов, обратившись к драматургии, не пошел по пути наименьшего сопротивления — он не прибегает к инсценировкам, а создает оригинальные произведе-

дения. В пьесе по «206-й» исследуется механизм переливания личных отношений в общественные: здесь истоки, от которых зависит истинность демократизма нашего общества. А написанная прекрасным белым стихом, гибким и необходимо точным, пьеса-сказка «Бессмертный Кощей» говорит об отношении человека к миру, в котором он живет, с острой бескомпромиссностью, но без какой бы то ни было тенденциозности. Такого масштаба и глубины социального исследования, явленного в формах простых и динамичных, наша драматургия не знает.

А с другой стороны — книга «Лад», опять же ни на что не похожая ни в творчестве Белова, ни в современной литературе. Иному писателю материала, заключенного в этой вещи, хватило бы на десяток романов. Между тем Белов щедро выплеснул неизмеримое богатство, не гнушаясь очерковой формы, и создал художественно цельный образ мира, в котором жили наши недавние предшественники. У нас теперь иная жизнь, но мы — дети русских крестьян, а родительский опыт никогда лишним не будет. Большая жизнь предстоит книге «Лад», и она еще сделает свое доброе дело в жизни и в литературе.,

Наши дороги века прошли через русскую деревню и разметались во все концы света. Немало заблудившихся в бескрайности этих дорог, немало мятущихся в поисках опоры. И рядом с ними живет большой русский писатель Василий Белов, человек с обостренной совестью, знающий сомнения и мучения, но никогда не лгущий ни себе, ни другим. И в честности его книг люди находят веру в жизнь, в торжество добра и правды.

1982